

ТЁМНЫЕ ИСТОРИИ
— ПИЛТОВЕРА И ЗАУНА —

І. СИНГЕД

Комната без смерти

Константин Санжаровский

18+

Константин Санжаровский

I. «Комната без смерти»

«Автор»

2026

Санжаровский К. С.

І. «Комната без смерти» / К. С. Санжаровский — «Автор», 2026

Синджед привык считать смерть измеряемым процессом. В глубинах Зауна он создаёт герметичную камеру, где организм продолжает двигаться после остановки сердца. Сначала опыт кажется прорывом. Затем подопытные начинают смотреть в один и тот же пустой угол, слышать голоса и видеть дверь, которой нет. Ради шанса спасти дочь Синджед готов переступить любую границу. Но комната заставляет его задуматься: возможно, смерть — не враг, а последняя защита от того, что ждёт по другую сторону. Самостоятельная история и первая часть цикла «Тёмные истории Пилтовера и Зауна». «Комната без смерти» — неофициальный некоммерческий фан-проект, созданный с использованием интеллектуальной собственности Riot Games в рамках политики Legal Jibber Jabber. Riot Games не одобряет и не спонсирует эту работу.

© Санжаровский К. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Девять секунд	5
Глава 1. Среда	7
Глава 2. Комната	9
Глава 3. Тавиан Рук	11
Глава 4. Фен Ордел	14
Глава 5. Люди у стекла	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Константин Санжаровский

I. «Комната без смерти»

Пролог. Девять секунд

Первой не умерла крыса.

Синджед понял это не сразу.

Он привык к смерти как к любому другому измеряемому явлению. Температура падала. Давление менялось. Зрачки переставали реагировать на свет. Электрическая активность мозга рассыпалась в короткий бессмысленный шум, после которого оставалась прямая линия. У каждой смерти был порядок, почти вежливый в своей неизбежности.

На столе под стеклянным колпаком лежала серая лабораторная крыса номер сорок два. В её кровь ввели дозу, которая должна была остановить сердце за двадцать три секунды. На двадцать первой пульс стал редким. На двадцать шестой исчез. На тридцать второй Синджед записал время.

Затем он отвернулся к манометру.

Эксперимент касался не крысы. Его интересовал воздух внутри новой герметичной камеры: смесь инертного газа, испарений из глубоких шахт Зауна и одного из побочных продуктов стабилизации Шиммера. Теоретически среда должна была замедлять распад тканей после остановки кровообращения. Не воскрешать. Не лечить. Только выигрывать время.

Время было единственной валютой, которой ему всегда не хватало.

Через девять секунд после того, как сердце крысы остановилось, стрелка датчика дрогнула.

Синджед поднял глаза.

Лапа животного царапнула стекло.

Он подошёл ближе. Сердцебиения не было. Дыхания не было. Температура продолжала снижаться.

Крыса снова провела когтями по внутренней стороне колпака.

Раз.

Другой лапой.

Два.

Потом повернула голову.

Не к Синджеду.

В угол лаборатории, где не было ничего, кроме каменной стены и ржавой трубы.

Он простоял неподвижно почти минуту. Его пальцы уже сами нашли карандаш.

«Двигательная активность после подтверждённой остановки кровообращения», — написал он.

Подумал.

Зачеркнул слово «двигательная».

Написал вместо него:

«Целенаправленная».

Крыса продолжала смотреть в угол.

Через четыре минуты сердце ударило снова.

Один раз.

Через семь секунд — второй.

На одиннадцатой минуте животное поднялось.

Оно стояло неровно, словно забыло, как распределять вес между лапами. Нос не двигался. Грудная клетка не поднималась. Но оно было живо в том смысле, который пока не укладывался ни в одно из определений Синджеда.

Он приблизил лицо к стеклу.

Крыса наконец посмотрела на него.

И в тот же момент из пустого угла лаборатории донёлся негромкий стук.

Будто кто-то постучал костяшкой пальца по камню.

Один раз.

Синджед не повернул головы.

Он записал время.

Глава 1. Среда

К утру крыса номер сорок два всё ещё была жива.

Синджед употреблял слово «жива» только потому, что другого не существовало.

Сердце животного сокращалось шесть раз в минуту. Этого было недостаточно для поддержания мозга. Кровь должна была давно перестать переносить кислород в нужном количестве. Температура тела опустилась почти до температуры комнаты. И всё же крыса реагировала на свет, избегала иглы и, когда он убирал крышку кормушки, пыталась укунить его за палец.

Только к еде она не проявляла никакого интереса.

И не переставала смотреть в угол.

Синджед переставил клетку.

Крыса развернулась.

Теперь она смотрела на тот же участок стены с другого места.

Он занёс наблюдение в журнал.

Никаких предположений.

Предположения были роскошью для людей, которым нравилось быть правыми. Его интересовало только то, что можно повторить.

К полудню под стеклом стояли ещё три клетки.

Вторая крыса пережила дозу цианида, которая должна была убить её меньше чем за минуту. Третья — массивную кровопотерю. Четвёртая получила травму, несовместимую с нормальной жизнью.

Все четыре продолжали существовать.

И все четыре смотрели в один угол.

Синджед отметил координаты. Измерил температуру камня. Взял соскоб. Проверил трубу за стеной. Простучал кладку. Нашёл пустоты старой вентиляции, но ничего, что могло бы объяснить поведение животных.

К вечеру он перенёс камеры в соседнюю комнату.

Крысы изменили направление.

Они смотрели не на прежнюю стену.

Они смотрели туда, где относительно нового помещения находился северо-восток.

Это было хуже.

Потому что означало: дело не в стене.

Он взял компас. Стрелка дрожала, но направление не совпадало.

Потом он поднялся на верхний ярус лаборатории, где за несколькими дверями и толщей кирпича стоял большой цилиндр с мутным стеклом.

Внутри в бледной жидкости покоилась его дочь.

Синджед редко позволял себе смотреть на неё дольше нескольких секунд. Долгое наблюдение ничего не меняло. Оно только порождало в человеке ложное ощущение действия.

Он проверил давление. Температуру. Состав раствора. Медленные сигналы на индикаторе.

Стабильно.

Стабильно было словом, которым врачи описывали затянувшуюся катастрофу.

Он положил ладонь на стекло.

— Я нашёл кое-что, — сказал он тихо.

Никакой реакции.

Конечно.

Он уже собирался уйти, когда заметил маленькое движение.

Палец внутри цилиндра едва заметно согнулся.

Синджед замер.
Движение не повторилось.
Он посмотрел на часы.
Почти одновременно снизу донёлся шум: клетки разом ударились о прутья.
Четыре коротких удара.
Он спустился.
Все крысы сидели у дальней стенки клеток и смотрели теперь не в северо-восточный угол.
Они смотрели вверх.
Туда, где находилась она.
Синджед долго стоял посреди комнаты.
После чего сделал то, что всегда делал, когда реальность предлагала ему суеверие вместо ответа.
Он построил большую камеру.

Глава 2. Комната

Камера заняла три дня.

Это была не просто герметичная кабина. Синджед превратил старое складское помещение в самостоятельную систему: двойные стены, клапаны аварийного сброса, медные трубы, стеклянное смотровое окно толщиной в ладонь. По периметру пола он установил датчики температуры, давления и электрической активности. На потолке — распылители.

Размер комнаты составлял четыре шага на шесть.

Внутри стояли металлический стул, стол, койка и лампа.

Ничего лишнего.

На двери он мелом написал «М-1».

Название не понравилось. Оно звучало как часть серии, а он ещё не знал, будет ли вторая.

Он стёр букву и цифру.

Остался серый прямоугольник от мела.

Первый полноценный опыт провели на собаке, найденной у отстойников. Животное было старым, с повреждённой задней лапой и опухолью под ребром. Синджед ввёл препарат, вызывающий остановку дыхания, и включил подачу смеси.

Собака потеряла сознание.

Дыхание исчезло.

Сердце замедлилось до состояния, которое нельзя было считать достаточным.

Через минуту она открыла глаза.

Через две подняла голову.

Через пять встала.

Синджед наблюдал через стекло.

Животное не смотрело на него.

Оно смотрело на дверь.

В отличие от крыс, собака испугалась.

Шерсть на загривке поднялась. Она попятилась, пока задняя часть тела не прижалась к стене. Из пасти вырвался низкий хрип.

Синджед проверил микрофон.

— Что ты видишь? — спросил он, понимая бессмысленность вопроса.

Собака зарычала сильнее.

Она следила глазами за чем-то у двери.

Потом — выше.

Словно это что-то встало.

Синджед перевёл взгляд на пустую комнату. Датчики показывали стабильную температуру. Давление не менялось. Камера была герметична.

Собака заскулила.

На стекле появился след.

Не со стороны животного.

Со стороны Синджеда.

Тонкая полоса конденсата протянулась сверху вниз, будто по внешней поверхности провели влажным пальцем.

Он коснулся стекла.

Сухо.

Полоса находилась внутри двухслойной панели.

Между стёклами.

Там не было воздуха, только разреженная прослойка.

Синджед взял фонарь.
Полоса исчезла.
В комнате собака внезапно бросилась на дверь.
Ударилась головой о металл, отскочила, снова бросилась.
— Давление? — спросил Синджед.
Ответить было некому.
Он сам посмотрел на приборы.
Норма.
Собака ударилась третий раз.
На четвёртый металлическая защёлка дрогнула.
Синджед нажал рычаг сброса.
Шипение заполнило трубы. Смесь ушла в вытяжку, в комнату поступил обычный воздух.
Собака упала.
Сердце остановилось почти мгновенно.
Настоящая смерть вернулась с удивительной скоростью.
Синджед не двигался.
На смотровом стекле, между двумя слоями, медленно проступили пять длинных следов.
Как отпечатки пальцев.
Он записал результат.
Потом добавил отдельную строку:
«Среда не восстанавливает жизнь».
И ниже:
«Среда препятствует завершению смерти».
Эта формулировка была точнее.
И гораздо опаснее.

Глава 3. Тавиан Рук

Тавиан Рук пришёл за антибиотиками и сразу заметил новую дверь.

Он был одним из немногих людей, которых Синджед терпел в лаборатории. Не потому, что доверял ему. Доверие было плохо контролируемой переменной. Просто Рук умел молчать, когда видел вещи, о которых в Зауне лучше было не рассказывать.

Он работал лекарем в нижних кварталах и приносил то, что Синджеду было трудно достать самому: истории болезней, образцы тканей, сведения о необычных отравлениях. Взамен получал препараты, которых не могли позволить себе его пациенты.

И иногда задавал вопросы.

— Это новая лаборатория? — спросил он, поставив на стол деревянный ящик.

— Комната.

— Вижу.

— Тогда вопрос лишний.

Рук усмехнулся. Он был высоким, сухим, с лицом человека, который слишком давно спал по четыре часа в сутки.

— Я принёс кровь шахтёров с двенадцатого уровня. У троих одинаковое поражение лёгких. И ещё кое-что.

Синджед открыл ящик.

Ампулы лежали в соломе. Между ними — сложенный лист.

— Мужчина. Фен Ордел. Сорок семь. Химический ожог лёгких, фиброз, сердце перегружено. Месяц, может два.

— Почему он здесь?

— Потому что у него есть дочь и долги.

Синджед поднял глаза.

Рук выдержал взгляд.

— Ты просил человека с необратимым состоянием, который согласится на эксперимент.

Синджед не помнил, чтобы использовал слово «согласится». Но спорить о семантике не было смысла.

— Сколько он знает?

— Что эксперимент может продлить ему жизнь.

— Это правда.

— Ты даже не спросил, сколько.

— Потому что не знаю.

Рук подошёл к смотровому стеклу камеры.

— Что внутри?

— Воздух.

— Тебе когда-нибудь надоедает отвечать так, будто собеседник виноват в собственной глупости?

— Нет.

Рук рассматривал металлический стул и койку.

— Животные?

Рук уже хотел отойти от стекла, но заметил бронзовый регулятор в системе подачи. На потемневшем корпусе сохранилось старое клеймо Академии и почти стёртая маркировка: Н-17.

— Откуда это у тебя?

— Списанное оборудование.

— Такое не списывают. Такое прячут.

Синджед провёл пальцем по букве Н. Регулятор держал давление точнее любого современного прибора, поэтому происхождение детали его не интересовало. Пока.

— Да.

— Выжили?

Синджед помолчал.

— Внутри — да.

Рук медленно повернулся.

— А снаружи?

— Нет.

Улыбка исчезла.

— Тогда Ордела я тебе не приведу.

— Ты уже привёл его историю болезни.

— Историю болезни можно сжечь.

Синджед закрыл ящик.

— Он всё равно умрёт.

— Это не делает его твоим материалом.

— Нет. Материалом его делает способность принять решение.

Рук тихо выругался, но без настоящей злости. Он слишком часто видел смерть, чтобы спорить с ней из принципа.

— И что ты ему обещаешь?

— Ничего.

— Тогда он не согласится.

— Согласится.

— Почему?

Синджед посмотрел на лист с именем пациента.

— Потому что у него есть дочь.

Рук долго молчал.

Верхний ярус лаборатории был скрыт за железной лестницей и полумраком. Отсюда цилиндр с девушкой не было видно.

Но Тавиан знал.

Он был одним из двух живых людей, которые знали.

— Это другое, — сказал он.

— Нет.

— Для тебя — возможно.

Синджед снял перчатки.

— Приведи его завтра.

Рук не ответил.

Когда он уже собирался уходить, из камеры донёсся тихий стук.

Оба повернули головы.

Раз.

Рук подошёл к двери.

— Там кто-то есть?

— Нет.

Два.

Рук посмотрел через стекло.

Пусто.

Три.

Он отступил.

— Трубы?

— Возможно.

— Ты проверял?

— Да.

— И?

Синджед снова надел перчатки.

— Завтра, Тавиан.

Глава 4. Фен Ордел

Фен Ордел выглядел хуже, чем обещала история болезни.

Он пришёл без шляпы, хотя с потолка нижних улиц постоянно капала грязная вода. Каждые десять шагов останавливался, чтобы отдышаться. Его грудь поднималась рывками, словно лёгкие внутри давно стали слишком тяжёлыми.

Рук держался рядом.

— Если передумаешь, мы уходим, — сказал он.

Ордел махнул рукой.

— Если я передумаю, всё равно скоро уйду.

Он попытался улыбнуться, но кашель превратил улыбку в гримасу.

Синджед наблюдал за ним с другого конца комнаты.

— Вы химик? — спросил Ордел.

— Да.

— Тот самый?

— Какой именно?

— Которого люди Силко называют доктором.

Рук напрягся.

Синджед не изменился в лице.

— Люди называют вещи так, как им удобно.

Ордел кивнул, будто этого ответа ему хватило.

— Тавиан сказал, вы можете дать мне время.

— Могу попытаться.

— Сколько?

— Не знаю.

— Неделю?

— Возможно.

— Месяц?

— Возможно.

— Год?

— Маловероятно.

Рук бросил на Синджеда взгляд, но Ордел только усмехнулся.

— По крайней мере, не врёт.

Он достал из кармана медный жетон и положил на стол.

На жетоне была выгравирована маленькая птица.

— Дочь сделала. Ей девять. Если я... если что-то пойдёт не так, передайте ей.

Синджед не взял жетон.

— Передаст Рук.

— Хорошо.

Ордел посмотрел на камеру.

— И что там будет?

— Вы проведёте внутри шесть часов. Возможно, больше. Будете дышать смесью. Я буду измерять функции организма.

— Больно?

— Вероятно.

Рук прикрыл глаза.

Ордел снова коротко рассмеялся.

— Знаете, доктор, вы ужасно продаёте надежду.

— Я её не продаю.
Через двадцать минут Фен сидел внутри комнаты.
На груди — электроды. На пальце — датчик. В вену уходила тонкая трубка. Рядом стоял баллон с водой.
Синджед закрыл дверь.
Рук остался снаружи.
— Начинаю подачу.
Туман был почти невидим. Только лампа под потолком стала казаться немного размытой.
Первые десять минут ничего не происходило.
На двадцатой Ордел перестал кашлять.
Он потрогал грудь.
— Дышать легче.
Синджед посмотрел на показатели.
Насыщение крови кислородом оставалось катастрофически низким.
— Оцените состояние от одного до десяти.
— Семь.
— До опыта?
— Три.
Через час Ордел попросил еды.
Через два встал и прошёлся по комнате без одышки.
Рук смотрел на него через стекло с выражением, которое Синджед знал слишком хорошо.
Надежда.
Опаснейшее из лекарств.
На третьем часу Ордел остановился посреди комнаты.
— Что-то не так? — спросил Рук через микрофон.
Ордел не ответил.
Он смотрел на дверь.
— Фен?
Тот медленно поднял руку и указал на металлическую поверхность.
— Вы её открывали?
— Нет, — сказал Синджед.
— Тогда кто это?
Рук подошёл ближе к стеклу.
— Кто?
Ордел сглотнул.
— Женщина.
В комнате никого не было.
— Опишите, — сказал Синджед.
Фен смотрел прямо перед собой.
— Высокая. Тощая. Стоит у двери.
— Одежда?
— Не вижу.
— Лицо?
Ордел резко отвернулся.
— У неё нет лица.
Рук потянулся к рычагу сброса.
Синджед накрыл его руку своей.
— Нет.
— Эксперимент закончен.

— Он только начался.
Изнутри комнаты раздался стук.
Не по двери.
По стеклу.
Фен Ордел стоял в трёх шагах от него.
Стук повторился прямо перед лицом Рука.
На этот раз между слоями стекла проступил круглый след, похожий на отпечаток лба.

Глава 5. Люди у стекла

На четвёртом часу Фен перестал отвечать на вопросы о женщине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.